

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка

А. А. Аузан^{1,2}, А. И. Бахтигараева^{1,2},
В. А. Брызгалин², А. В. Золотов², Е. Н. Никишина^{1,2},
Н. А. Припузова^{1,2}, А. А. Ставинская^{1,2}

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Институт национальных проектов (Москва, Россия)

В статье обобщен более чем двадцатилетний опыт социокультурных исследований экономического развития. Описаны основные подходы к изучению социокультурных факторов в экономике, а также ключевые современные тренды в эмпирических исследованиях (в том числе в связи с выявлением причинно-следственных связей). Разобраны ключевые открытые вопросы в социокультурных исследованиях, включая соотношение культуры и институтов, проблему измерения культурных различий внутри страны, а также изучения культуры в динамике. Показана связь исследований культуры и социального капитала. Сформулированы ключевые тезисы социокультурной экономики как исследовательского направления.

Ключевые слова: культура, социальный капитал, ценности, российские регионы, Хофстеде.

JEL: B410, C18, D910, O430, Z10, Z13.

Аузан Александр Александрович (auzan@inp.ru), д.э.н., проф., декан экономического факультета МГУ, научный руководитель Института национальных проектов; *Бахтигараева Асия Инсуровна* (a.bahtigaraeva@inp.ru), вед. специалист научно-методического отдела Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ; *Брызгалин Виктор Аркадьевич* (v.bryzgalin@inp.ru), вед. специалист отдела прикладных исследований Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ; *Золотов Антон Владимирович* (azolotov@arett.ru), руководитель отдела прикладных исследований Института национальных проектов; *Никишина Елена Николаевна* (enikishina@inp.ru), к. э. н., директор по стратегическому развитию Института национальных проектов, доцент экономического факультета МГУ; *Припузова Надежда Анатольевна* (n.pripuzova@inp.ru), генеральный директор Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ; *Ставинская Александра Александровна* (astavinskaya@arett.ru), к. э. н., руководитель научно-методического отдела Института национальных проектов, доцент экономического факультета МГУ.

О различиях в ценностях и установках жителей различных стран писали такие разные авторы, как А. Смит (Smith, 1997 [1766]), Дж. С. Милль (Mill, 1848), К. Книс (Knies, 1883) и другие мыслители прошлого. Однако всплеск исследований, посвященных роли социокультурных факторов в экономическом развитии, пришелся на рубеж XX–XXI вв. Проекты измерения ценностей Г. Хофстеде (Hofstede, 1984), Р. Инглхарта (Inglehart, 1990), Ш. Шварца (Schwartz, 1992) и других дали возможность экономистам включить в анализ этот упущенный ранее фактор экономического развития. За 20 лет, прошедшие с появления книги С. Хантингтона и Л. Харрисона «Культура имеет значение» (Harrison, Huntington, 2000), сформировалось отдельное исследовательское направление. В статье дан обзор основных подходов к изучению социокультурных факторов в экономике, ключевых трендов в социокультурных исследованиях и вопросов, на которые пока нет ответов.

Социокультурные факторы в экономике: современные подходы и интерпретации

Ключевыми понятиями в социокультурных исследованиях экономики выступают культура, социальный капитал и неформальные институты. Причем культура рассматривается не в узкоотраслевом значении (музеи, театры и т. д.), а в расширенной трактовке — как социокультурные факторы экономики, обозначающие разделяемые обществом ценности и установки (далее культура и социокультурные факторы будут использоваться в качестве синонимов).

Существуют разные подходы к определению этих понятий и описанию соотношений между ними. В ряде исследований термины «культура» и «неформальные институты» используются в качестве синонимов (Alesina, Giuliano, 2015; Норт, 1997). Мы разделяем этот подход, а также рассматриваем социальный капитал¹ как часть культурного капитала (Никишина, 2015).

В данной статье используются следующие определения:

— культура (социокультурные факторы) — ценности², поведенческие установки³, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени (на основе Guiso et al., 2006; Beugelsdijk, Maseland, 2010; Аузан, Никишина, 2013);

— неформальные институты — институты, для которых гарантом может выступить любой член общества (Аузан, 2005).

---

¹ Социальный капитал — сети, нормы и доверие, которые способствуют координации и кооперации ради взаимной выгоды (Putnam, 1995).

² Ценности — устойчивые убеждения в том, что определенный способ поведения или цель существования предпочтительнее (с личной или общественной точек зрения) других способов поведения или других целей существования (Rokeach, 1968).

³ Поведенческие установки — относительно устойчивая организация убеждений об объекте или ситуации, располагающая человека действовать определенным предпочтительным для него способом (Rokeach, 1968).

На что влияет культура?

За последние десятилетия накоплен значительный массив работ о роли социокультурных факторов на макро- и микроуровне. Они посвящены исследованию экономического роста (Algan, Cahuc, 2010; Knack, Keefer, 1997), инновационной активности (Bukowski, Rudnicki, 2018; Сох, Khan, 2017) и т. д., а также более узким вопросам — спросу на перераспределение доходов (Aghion et al., 2010; Algan et al., 2016), предпринимательской активности (Suddle et al., 2010), политической нестабильности (Nunn et al., 2018), эффективности демократических институтов и качеству государственного управления (Полищук, Меняшев, 2011) и даже причинам некорректного поведения футболистов на поле (Miguel et al., 2008).

Влияние культуры на индивидуальное поведение

Культура — характеристика коллективная, но вместе с тем она влияет на предпочтения индивидов в процессе принятия решений. Например, в идентичных ситуациях представитель общества с более высоким уровнем доверия чаще предпочтет кооперироваться с незнакомцем, чем представитель «не доверяющего» общества.

При этом остается открытым вопрос о соотношении элементов культуры, а также их воздействии на поведение человека. В литературе предпринималось несколько попыток выстраивать соответствующие «цепочки». Например, согласно модели формирования намерений и трансформации их в действия (theory of reasoned action, TRA) (Ajzen, Fishbein, 1980), поведенческие установки (attitudes) и субъективные нормы (subjective norms)⁴ оказывают влияние на намерения людей, которые затем трансформируются в действия. При этом в работе Р. Багоцци и соавторов (Bagozzi et al., 2000) показано, что влияние отдельных компонент различается в зависимости от национальной культуры: в восточных (более коллективистских) культурах субъективные нормы оказывают большее влияние на намерения, чем в западных (более индивидуалистичных). В других работах исследуется связь персональных ценностей, психологических черт⁵ и поведенческих установок по конкретным вопросам, таким, как религия и политика (Roccas et al., 2002; Schwartz et al., 2010). Авторы утверждают, что персональные ценности оказывают влияние на формирование поведенческих установок, а последние — на поведение. Д. Бур и Р. Фишер показали, что связь может меняться в зависимости от культуры: например, в более коллективистских культурах из-за более сильного социального давления связь между консервативными ценностями и убеждениями сильнее, чем в индивидуалистичных (Boer, Fischer, 2013).

Единой общепризнанной модели влияния элементов культуры (ценностей, убеждений, установок) друг на друга и на поведение на данный момент нет. Разработка и эмпирическая валидация подобной модели может значительно продвинуть понимание роли социокультурных факторов в экономике (Тамбовцев, 2018).

⁴ Субъективные нормы — мнение человека о позиции важных для него людей относительно «правильности» конкретного действия или явления.

⁵ Психологические черты отражают устойчивые модели мышления, чувств и принятия решений (Roccas et al., 2002).

Измерение культуры

Ключевые подходы к количественному измерению культуры связаны с использованием экспериментов (оценивается реальное поведение в лабораторных или естественных условиях)⁶, социологических опросов (на основе самооценки респондентов)⁷ или статистических данных⁸ (косвенно оценивается проявление той или иной характеристики культуры в реальной жизни).

Данные, полученные на основе экспериментов, проведенных для разных культурных групп, не только отражают реальное поведение людей в заданных условиях, но и позволяют выявить «чистую» культурную норму. Но при этом, как правило, эксперименты — дорогой и не всегда доступный инструмент для исследователя. Социологические данные (в том числе полученные в рамках проектов типа World Values Survey) позволяют проводить межстрановые сопоставления, однако оставляют открытым вопрос о том, насколько ответы респондентов соответствуют их реальному поведению. Наконец, статистические характеристики хотя и отражают реальное поведение населения, более «зашумлены», так как включают действие не только культуры, но и прочих факторов.

В целом выбор конкретного метода измерения культуры, как правило, зависит от целей исследования. Одновременное использование нескольких методов позволяет повысить точность результатов.

Подходы к исследованию культуры

Существующие работы можно условно разделить на две группы: где авторы выбирают показатель, характеризующий тот или иной аспект культуры ситуативно для решения конкретной исследовательской задачи, и где авторы опираются на показатели одной из существующих моделей культуры.

При первом подходе выбор характеристики культуры обусловлен преимущественно спецификой исследовательской задачи и наличием соответствующих данных. К числу популярных характеристик для проведения такого рода исследований можно отнести доверие (Algan, Cahuc, 2014), гражданскую культуру (Algan, Cahuc, 2009), важность

---

⁶ Например, в ходе эксперимента «Ридерз Дайджест» в разных городах Европы и США были оставлены на улицах кошельки с контактами «владельцев». Доля кошельков, возвращенных их владельцам, может использоваться как оценка уровня социального капитала. <https://www.rd.com/culture/most-honest-cities-lost-wallet-test/>

⁷ В случае социального капитала, например, через оценку человеком собственных убеждений, ценностей и поведенческих установок («В целом, считаете ли вы, что большинству людей можно доверять, или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?» и др.); чужих убеждений, ценностей и поведенческих установок («В целом, считаете ли вы, что большинство людей в вашей стране готовы доверять окружающим?» и др.); собственных практик («Как часто Вы совершаете благородные поступки, не ожидая ничего взамен?» и др.); практик, распространенных в обществе («Как часто люди в Вашей стране совершают благородные поступки, не ожидая ничего взамен?» и др.).

⁸ В случае оценки социального капитала это может быть, например, статистика членства в сообществах и объединениях, показатель донорства крови, явка на выборах и т. д.

удачи и упорного труда в достижении успеха, (Alesina, Glaeser, 2004), силу семейных связей (Alesina, Giuliano, 2014) и т. д.

При втором подходе оценивается влияние на социально-экономические показатели характеристик, входящих в одну из моделей культуры. На данный момент наибольшей популярностью пользуются модели социопсихолога Хофстеде и кросс-культурного психолога Шварца. Эти ученые провели масштабные кросс-культурные исследования, выделив универсальные характеристики культуры, по которым различаются сообщества. Несмотря на то что у каждой модели есть сильные и слабые стороны⁹, обе активно используются при объяснении социально-экономических показателей стран (Hofstede, 2001; Schwartz, 2014). Идеи Хофстеде на данный момент более популярны и в целом подтверждают свою валидность при мета-анализе (Taras et al., 2012), хотя и подвергаются критике по отдельным пунктам (Minkov, 2018). Стоит также выделить методику Инглхарта (Inglehart, 1997) и GLOBE (House et al., 2004). Помимо этого все чаще используется пришедшая из кросс-культурной психологии модель «Big Five personality traits» (John et al., 2008).

При ситуативном выборе показателей (первый подход) не всегда ясно, случаен их выбор или «подогнан» под исследовательский вопрос. Универсальные модели культуры подвергаются критике за расплывчатость теоретических оснований показателей или отсутствие внешней валидности при попытке воспроизвести характеристики на других выборках (Beugelsdijk, Welzel, 2018; Venaik, Brewer, 2016)¹⁰. Вместе с тем оба рассмотренных подхода в настоящее время успешно применяются в социокультурных исследованиях.

Тренды в эмпирических исследованиях по социокультурной тематике

Одно из главных направлений критики социокультурных исследований (Тамбовцев, 2018) и одновременно главный вызов, с которым сталкиваются исследователи при оценке влияния культуры на экономические показатели, — эндогенность. Само по себе наличие статистически значимой связи культуры с социально-экономическими показателями не означает, что между двумя параметрами существует *причинно-следственная* связь. Культура влияет на экономические процессы, но одновременно и экономические процессы влияют на культуру. Причем идентификация влияния культуры часто затруднена действием прочих, не всегда наблюдаемых исследователем факторов (например, формальных институтов, индивидуальных особенностей и др.).

Наиболее надежный способ выявить причинно-следственную связь — провести рандомизированный контролируемый эксперимент

⁹ Подробнее о методиках см. в: Beugelsdijk, Maseland, 2010.

¹⁰ Отметим, что в последние годы наблюдается все больше попыток осмыслить проблемы, возникающие в кросс-культурных исследованиях, с целью повысить качество выводов (Beugelsdijk et al., 2015; Fischer, Poortinga, 2018).

(randomized controlled trial, RCT)¹¹, однако специфика темы редко позволяет это осуществить. Ниже представлены основные подходы к повышению качества результатов исследований о влиянии культуры на экономические процессы.

Проведение исследований внутри стран

Чтобы исключить влияние формальных институтов на социально-экономические показатели, можно перейти к анализу данных на региональном или индивидуальном уровне внутри отдельных стран. Например, Г. Табеллини при изучении влияния культуры на экономическое развитие использовал региональные данные европейских стран (Tabellini, 2010). Р. Меняшев и Л. Полищук для анализа связи между социальным капиталом и качеством государственного управления использовали данные по российским городам (Menyashev, Polishchuk, 2011).

Переход на региональный уровень анализа позволяет, с одной стороны, учесть страновые эффекты, а с другой — увеличить число наблюдений. Как следствие, можно включать в регрессии большее число контрольных переменных и получать более точные оценки.

Эпидемиологический подход

Другой способ отделить действие культуры от действия среды и институтов был предложен Р. Фернандез и получил название эпидемиологического подхода (Fernández, 2011). Он предполагает опрос мигрантов второго поколения. Их родители — носители ценностей страны происхождения — передали¹² ценности своей страны детям, рожденным уже на территории другой страны. Учитывая, что среда и страновые институты для коренного населения и мигрантов второго поколения не отличаются, можно утверждать, что различия в их ценностях обусловлены различиями в наследуемых культурных ценностях. Использование такого рода данных позволяет получать более точные выводы о влиянии культуры на социально-экономические показатели.

Использование инструментальных переменных

Один из наиболее распространенных способов решения проблемы эндогенности — использовать метод инструментальных переменных, то есть найти характеристики, коррелированные с показателем культуры, а не с переменной исследовательского интереса. Часто

---

¹¹ В базовом варианте метод подразумевает деление объектов воздействия случайным образом на две группы: группу воздействия (к ней применяется мера, эффект от которой планируется изучить) и контрольную группу (к ней мера не применяется). После применения меры на группе воздействия эффект замеряется через статистическое сравнение двух групп по интересующей исследователя характеристике — полученный результат можно трактовать как «чистый» эффект от введения меры.

¹² Считается, что именно семья — основной механизм трансляции ценностей (см., например: Bisin, Verdier, 2001).

в таких случаях используется какое-либо историческое событие. Хороший пример — работа Л. Гуизо и соавторов (Guiso et al., 2016), в которой рассматривается влияние социального капитала в городах современной Италии на их экономическое развитие. В качестве инструментальной переменной для социального капитала они используют факт независимости города в Средние века. Независимость города способствовала формированию у его населения культуры кооперации, которая далее передавалась от поколения к поколению, тем самым оказывая влияние на запасы социального капитала в городе сегодня. Учитывая, что независимость города в Средние века не зависела от экономических показателей современной Италии, использование такой инструментальной переменной позволяет считать социальный капитал причиной более высокого экономического развития итальянских городов, а не наоборот.

Разрывный дизайн (Regression discontinuity design)

Ситуации, когда случайное историческое событие оказало влияние на одну часть общества, не затронув другую, и при этом между ними можно провести четкую границу, делают возможным использование метода «разрывного дизайна». Основная идея заключается в том, что группы, живущие близко, но случайно оказавшиеся по разную сторону от «границы», идентичны по остальным характеристикам. Поэтому различия, возникшие между ними после такого события, можно считать его последствием. Например, в статье С. Беккера и соавторов таким событием стало разделение территорий некоторых стран Восточной Европы между Австро-Венгрией и Россией в XVIII–XIX вв. (Becker et al., 2016). Несмотря на то что после Первой мировой войны границы изменились, авторы обнаружили у жителей территорий, ранее принадлежавших Российской империи, меньший уровень институционального доверия, чем у их сограждан, проживающих на территориях бывшей Австро-Венгрии. В данном случае это позволяет считать различия культур следствием исторического события, а не результатом действия экономических факторов.

Применение каждого из перечисленных выше методов требует от исследователя использования специфических данных, которые не всегда есть в наличии. В результате выбор исследовательского вопроса часто обусловлен имеющимися данными — что похоже на ситуацию поиска ключей там, где светит фонарь. Поэтому в последнее время идет активный процесс создания новых баз данных, содержащих историческую информацию для разных культур¹³. Это открывает для экономистов, специализирующихся на социокультурной тематике, больше возможностей для выбора валидных инструментальных переменных и получения новых, более надежных с эмпирической точки зрения результатов.

---

¹³ Например, собираются данные о характеристиках культуры и среды обитания доиндустриальных обществ (Giuliano, Nunn, 2018) или о мотивах, встречающихся в фольклоре более 1000 доиндустриальных обществ (Xue, Michalopoulos, 2019).

При этом можно выделить по крайней мере три темы, которые, с одной стороны, чаще других появляются в научном дискурсе, а с другой — содержат в настоящее время больше вопросов, чем ответов: культура и институты, различия культуры внутри страны, культура в динамике.

Открытые вопросы

Культура и институты

В России проблема взаимодействия институтов и культуры обострилась в ходе рыночных реформ 1990-х годов, когда социокультурные особенности российского общества стали барьером для заимствования институтов, распространенных в капиталистических странах (Полтерович, 2001). Впоследствии эти вопросы нашли отражение в научных дискуссиях о роли культуры в модернизационном развитии России, о «проблеме колеи», «культурном коде» и т. п. (Ясин, 2003; Аузан и др., 2011; Тамбовцев, 2015; Автономов и др., 2017).

Культура влияет на сложившуюся в стране систему институтов, выступая внешним ограничителем институциональных изменений и определяя доступное для выбора множество формальных институтов в конкретный момент времени (Норт, 1997; Williamson, 2000). В некоторых работах показана связь между культурой и формальными институтами. Например, Ю. Городниченко и Ж. Ролан выявили, что в коллективистских странах выше вероятность установления авторитарного режима — коллективизм способствует конформизму, в том числе в политических вопросах (Gorodnichenko, Roland, 2015). Ч. Квок и С. Тадесс утверждают, что в странах с более высоким неприятием неопределенности в силу потребности людей в большей предсказуемости правил и дохода банковский сектор в экономике важнее, чем фондовый рынок (Kwok, Tadesse, 2006).

При этом институты также могут влиять на культуру, меняя ее. В частности, А. Алесина и Н. Фукс-Шюндельн показали, что даже через десятилетия после объединения Германии жители бывшей ГДР чаще, чем жители ФРГ, поддерживают государственное вмешательство и перераспределение доходов (Alesina, Fuchs-Schündeln, 2007). Н. Нанн и Л. Вантчекон продемонстрировали, что распространение работорговли приводило к снижению уровня доверия в соответствующих регионах Африки (Nunn, Wantchekon, 2011).

Связь между культурой и институтами сложнее, чем простая зависимость одного от другого. Алесина и П. Джулиано утверждают, что существует взаимовлияние этих двух факторов. Культурные ценности и установки, разделяемые членами общества, предопределяют выбор соответствующих институтов, которые, в свою очередь, обеспечивают их закрепление и дальнейшую передачу из поколения в поколение. Такая взаимозависимость порождает множественные устойчивые равновесия с различным набором самоподдерживающихся институтов и культурных норм (Alesina, Giuliano, 2015).

Ф. Агийон, Я. Алган, П. Каюк и А. Шлейфер, анализируя связь между уровнем доверия и государственным регулированием, показали, что возможно существование двух равновесий. При низком уровне доверия в обществе население предъявляет спрос на государственное регулирование, однако оно часто оказывается неэффективным в силу низкой подотчетности государства (вследствие низкого уровня социального капитала и неготовности общества нести издержки по контролю государства), что закрепляет «плохое равновесие». При высоком уровне доверия, напротив, меньше спрос на государственное регулирование и выше его качество вследствие большей подотчетности государства («хорошее равновесие») (Aghion et al., 2010).

Пример того, как работает «низкое равновесие», возникшее в результате специфического взаимодействия формальных и неформальных институтов в сфере высшего образования, описан в статье А. Золотова и Н. Припузовой (Золотов, Припузова, 2020).

Теоретические свидетельства связи культуры и экономики открывают новые возможности для решения прикладных задач. Прежде всего, это означает, что при проектировании формальных институтов необходимо учитывать влияние культуры. Это, с одной стороны, позволяет избегать рисков «отторжения» формального института, с другой — способствует гармонизации формальных и неформальных институтов, конфликт между которыми может иметь неблагоприятные последствия в виде повышения транзакционных издержек или закрепления неэффективных норм и их воспроизводства.

Кроме того, факт изменчивости культуры дает возможность воздействовать на нее посредством формальных институтов. Один из вариантов корректировки неэффективных норм — проектирование «промежуточных» («нестандартных») институтов, работоспособных при имеющихся ограничениях (в том числе социокультурных), способствующих их ослаблению и создающих тем самым условия для дальнейших преобразований (Полтерович, 2016). Примеры промежуточных институтов: программа личных пенсионных накоплений в Австралии, введенная в 1990-е годы, микрофинансовые организации в Бангладеш в 1980-х годах, ссудосберегательные институты (кооперативы и кассы) в Словакии и Чехии в 1990-х годах, селективные налоги (Полтерович, 2001; Аузан и др., 2017).

Различия культуры внутри стран

Большинство кросс-культурных исследований выполнены на страновом уровне, что во многом обусловлено спецификой имеющихся данных. Вместе с тем возникает вопрос: насколько корректно в таких случаях неявно предполагать культурную гомогенность стран, особенно учитывая, что многие страны многонациональные?

Исследований, посвященных региональным различиям внутри стран, немного, и их результаты достаточно противоречивы. Хофстеде с соавторами на примере Бразилии показали, что межрегиональные социокультурные различия существуют, и они значительно меньше межстрановых (Hofstede et al., 2010). М. Минков и Хофстеде при помощи кластерного анализа социокультурных данных World Values Survey на региональном уровне выявили, что в большинстве случаев регионы отдельных стран объединяются в кластеры, практически иден-

тичные странам (например, регионы Таиланда образуют один кластер; регионы Индонезии — другой и т. д.) (Minkov, Hofstede, 2012).

Р. Патнэм и соавторы в 1994 г. зафиксировали различия в культуре между регионами Италии (Putnam et al., 1994), что впоследствии подтвердилось в лабораторных экспериментах (Bigoni et al., 2016; о различиях в культуре между отдельными регионами внутри стран см. также: Tabellini, 2010; Alesina, Giuliano, 2015).

На российских данных также зафиксированы отдельные социокультурные различия между регионами (Ядов, 2002; Латов, Латова, 2007; Дубицкая, 2015; Аузан и др., 2017; Антонов и др., 2019; Брызгалин, Никишина, 2020 и др.). При этом сохраняется дефицит региональных данных, позволяющих охарактеризовать социокультурные особенности всех российских регионов и, как следствие, описать сравнительные преимущества и недостатки, обусловленные культурой.

Все вместе это определяет актуальность следующих исследовательских вопросов:

— для каких стран характерно существование региональных социокультурных различий?

— между какими регионами и по каким характеристикам фиксируются различия? насколько они сильны?

— как можно использовать региональные социокультурные различия в экономическом развитии?

Для ответа на эти вопросы необходимо накопить и расширить данные о социокультурных особенностях на региональном уровне, в том числе за счет проведения дополнительных полевых исследований.

Культура в динамике

Один из наиболее интересных вопросов — скорость изменения культуры. Существуют многочисленные свидетельства, что культурные нормы могут сохраняться неизменными на протяжении столетий. Например, Н. Фойгтлендер и Х. Фот показали, что в городах, в которых в XIV в. происходили еврейские погромы, в начале XX в. были более распространены антисемитские настроения (Voigtlaender, Voth, 2012). Р. Дюранте выявил, что в европейских регионах, в которых 300 лет назад были сильные колебания климата, до сих пор наблюдается высокий уровень доверия (изменчивая погода заставляла людей кооперироваться для выращивания и сохранения урожая и доверять друг другу) (Durante, 2009).

Однако культура может меняться, иногда относительно быстро. Н. Лебедева и А. Татарко на выборке российских учителей и студентов зафиксировали рост ценностей «консерватизма», «иерархии» и «гармонии» по Шварцу в течение шестилетнего периода (Лебедева, Татарко, 2007). В статье А. Бахтигараевой и А. Ставинской и показано, что уровень доверия у российских студентов меняется по мере перехода на старшие курсы (Бахтигараева, Ставинская, 2020). Кроме того, ценности могут меняться вследствие внешних шоков — эпидемий, кризисов и т. д. Например, те, кто пережил Великую депрессию в возрасте 18–25 лет, предъявляли больший спрос на перераспределение и меньше доверяли политическим институтам (Giuliano, Spilimbergo,

2014). Учитывая распространение коронавирусной инфекции и связанные с этим социально-экономические последствия, можно ожидать, что в ближайшее время будут меняться ценности и поведенческие установки людей по всему миру, причем, вероятно, не только среди молодежи, но и среди более старших поколений.

Попытка систематизировать и определить скорость конвергенции различных ценностей (Giavazzi et al., 2014) с помощью эпидемиологического подхода выявила значительную конвергенцию ценностей кооперации, семейных ценностей и убеждений относительно роли женщин на рынке труда у четвертого поколения мигрантов и населения принимающей страны. В то же время религиозные ценности, представления о роли государства и о роли женщин в обществе в целом меняются гораздо медленнее, и даже у четвертого поколения мигрантов они оказываются ближе к ценностям родной страны, а не принимающей¹⁴.

Несмотря на появление новых работ, вопросов в данной сфере по-прежнему остается больше, чем ответов. Среди наиболее перспективных:

– как быстро меняются ценности и убеждения? какие из них подвержены более быстрому изменению, а какие – более медленным?

– какие условия воздействуют на скорость изменения ценностей и убеждений? влияют ли на это исторический опыт и культура разных национальностей?

– как внешний шок, связанный с распространением коронавирусной инфекции, повлияет на ценности и установки людей по всему миру?

Отдельно стоит практический вопрос: каким образом (и нужно ли) корректировать те или иные ценности и убеждения, если они препятствуют долгосрочному экономическому развитию или благосостоянию населения? Может ли точечное институциональное проектирование исправить ситуацию, и если да, то каким оно должно быть? Ответ на этот вопрос мог бы стать связующим звеном между теорией и практикой.

* * *

В настоящее время продолжает расти число исследований, посвященных роли культуры в экономическом развитии. Появляются новые источники данных, совершенствуются методы статистического анализа и выявления причинно-следственных связей, формируется отдельное исследовательское направление социокультурной экономики, которое может быть резюмировано в пяти ключевых тезисах (Аузан и др., 2016).

1. Существуют экономические явления, которые не удастся объяснить другими факторами, кроме культурных.

2. С точки зрения теории неформальных институтов культура — это ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени.

3. Культура влияет на экономическое развитие, но не детерминирует его. Воздействие культуры устойчиво во времени, но связано с другими факторами.

¹⁴ Скорость конвергенции ценностей зависит от страны, из которой приехал мигрант.

4. Культура может тормозить или стимулировать экономическое развитие через структуру и уровень трансакционных издержек. Возникновение прироста вследствие снижения трансакционных издержек позволяет трактовать совокупность социокультурных факторов как социальный и культурный капитал.

5. Использовать влияние культуры на экономику можно через изменение структуры социального и культурного капитала посредством прежде всего образования.

В серии работ на российских данных развиваются тезисы социокультурной экономики и предприняты попытки ответить на вопросы о соотношении культуры и институтов, о скорости изменения культуры и о региональных различиях (Аузан и др., 2017; Антонов и др., 2019; Аузан и др., 2019; Бахтигараева, Ставинская, 2020; Брызгалин, Никишина, 2020; Золотов, Припузова, 2020 и др.). Продолжение исследований в области социокультурной экономики (в том числе с использованием новых источников данных и продвинутых методов анализа) представляется перспективным не только в научном плане, но и для решения прикладных задач повышения эффективности процессов на микро- и макроуровне.

Список литературы / References

- Антонов В. С., Воробьев А. С., Кононенко П. Б., Расков Д. Е., Тульчинский Г. Л. (2017). Культура как новый фронт в экономической науке // Экономическая политика Т. 12. № 5. С. 178–193. [Avtonomov V. S., Vorobyev A. S., Kononenko P. B., Raskov D. E., Tulchinskiy G. L. (2017). Culture as the new frontier of economics. *Ekonomicheskaya Politika*, Vol. 12, No. 5, pp. 178–193. (In Russian).] <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-5-09>
- Антонов Е. В., Аузан А. А., Брызгалин В. А., Вороненко В. А., Золотов А. В., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Трухачев С. А. (2019). Социокультурные факторы инновационной активности населения. М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания. [Antonov E. V., Auzan A. A., Bryzgalin V. A., Zolotov A. V., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Trukhachev S. A. (2019). *Sociocultural factors of population innovation activity*. Moscow: Institute for National Projects; Russian Venture Company. (In Russian).]
- Аузан А. А., Авдиенкова М. А., Андреева Д. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А., Бутаева К. О., Вебер Ш., Давыдов Д. В., Золотов А. В., Никитин К. М., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Ставинская А. А. (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок. [Auzan A. A., Avdienkova M. A., Andreeva D. A., Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Butaeva K. O., Weber S., Davydov D. V., Zolotov A. V., Nikitin K. M., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaya A. A. (2017). *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms*. Moscow: Center for Strategic Research. (In Russian).]
- Аузан А. А., Архангельский А. Н., Лунгин П. С., Найшуль В. А. (2011). Культурные факторы модернизации. СПб.: Фонд «Стратегия 2020». [Auzan A. A., Arkhangelskiy A. N., Lungin P. S., Nayshul V. A. (2011). *Cultural factors of the modernization*. St. Petersburg: Strategiya 2020 Foundation. (In Russian).]
- Аузан А. А. (ред.) (2005). Институциональная экономика. М.: Инфра-М. [Auzan A. A. (ed.) (2005). *Institutional economics*. Moscow: Infra-M. (In Russian).]

- Аузан А. А., Никишина Е. Н. (2013). Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. № 4. С. 48–57. [Auzan A. A., Nikishina E. N. Economic dynamics in the long run: The role of informal institutions. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*, No. 4, pp. 48–57. (In Russian).]
- Аузан А., Бахтигараева А., Золотов А., Никишина Е., Ставинская А. (2016). Социокультурная экономика. Доклад на XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19–22 апреля. [Auzan A., Bakhtigaraeva A., Zolotov A., Nikishina E., Stavinskaya A. (2016). *Sociocultural economics*. Paper prepared for the XVII April international academic conference on economic and social development, Moscow, April 19–22. (In Russian).]
- Аузан А. А., Комиссаров А. Г., Бахтигараева А. И. (2019). Социокультурные ограничения коммерциализации инноваций в России // Экономическая политика. Т. 14, № 4. С. 76–95. [Auzan A. A., Komissarov A. G., Bakhtigaraeva A. I. (2019). Sociocultural restrictions on the commercialization of innovations in Russia. *Ekonomicheskaya Politika*, Vol. 14, No. 4, pp. 76–95. (In Russian).]. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-4-76-95>
- Бахтигараева А. И., Ставинская А. А. (2020). Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи // Вопросы экономики. № 7. С. 92–107. [Bakhtigaraeva A. I., Stavinskaya A. A. (2020). Can trust become a factor of economic growth? Dynamic changes in the level of trust of Russian youth. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 92–107. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-92-107>
- Брызгалин В. А., Никишина Е. Н. (2020). Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике // Вопросы экономики. № 7. С. 108–126. [Bryzgalin V. A., Nikishina E. N. (2020). Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 108–126. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-108-126>
- Дубицкая В. (2015). Капитализм под копирку: Иллюзии эффективных менеджеров. М.: Альпина Паблшер. [Dubitskaya V. (2015). *Copied capitalism: Illusions of effective managers*. Moscow: Alpina Pabliher. (In Russian).]
- Золотов А. В., Припузова Н. А. (2020). Впроиизводство социальных норм в России // Вопросы экономики. № 7. С. 127–141. [Zolotov A. V., Pripuzova N. A. (2020). Reproduction of social norms in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 127–141 (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-127-141>
- Латов Ю. В., Латова Н. В. (2007). Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. № 4. С. 43–72. [Latov Yu. V., Latova N. V. (2007). Findings and paradoxes of ethnometric analysis of russia's economic culture according to Hofstede. *Mir Rossii*, No. 4, pp. 43–72. (In Russian).]
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (2007). Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N. (2007). *Cultural values and the society development*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Никишина Е. Н. (2015). Культурный капитал как фактор неопределенности и транзакционных издержек // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 5. С. 3–21. [Nikishina E. N. (2015). Cultural capital as a factor of uncertainty and transaction costs. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 6: Ekonomika*, No. 5, pp. 3–21. (In Russian).]
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”. [Nort D. (1997). *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Fond Ekonomicheskoy Knigi “Nachala”. (In Russian).]
- Полищук Л., Меняшев Р. (2011). Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. № 12. С. 46–65. [Polishchuk L., Menyashv R. Economic significance of social capital. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 46–65. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-12-46-65>

- Полтерович В. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–50. [Polterovich V. (2001). Transplantation of institutions. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 3, pp. 24–50. (In Russian).] <https://doi.org/10.1001/jama.285.12.1649>
- Полтерович В. М. (2016). Институциональные реформы и гражданская культура // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. № 2–2. С. 225–238. [Polterovich V. M. (2016). Institutional reforms and civic culture. *Istoricheskaya i Sotsialno-obrazovatel'naya Mysl*, Vol. 8, No. 2–2, pp. 225–238. (In Russian).]
- Тамбовцев В. (2015). Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях // Вопросы экономики. № 12. С. 85–106. [Tambovtsev V. (2015). The myth of the “culture code” in economic research. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 85–106. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-12-85-106>
- Тамбовцев В. Л. (2018). Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. № 9. С. 70–94. [Tambovtsev V. L. (2018). Innovations and culture: Importance of the analysis methodology. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 70–94. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-70-94>
- Ядов В. А. (2002). Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. № 2. С. 349–363. [Yadov V. A. (2002). Sociological foundations for the forecast of the Russian future society. *Rossiya Reformiruyushchayasya*, No. 2, pp. 349–363. (In Russian).]
- Ясин Е. (2003). Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. № 4. С. 4–36. [Yasin E. (2003). Economy modernization and the system of values. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 4–36. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-4-4-36>
- Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. (2010). Regulation and distrust. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 125, No. 3, pp. 1015–1049. <https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015>
- Alesina A., Fuchs-Schündeln N. (2007). Good-bye Lenin (or not?): The effect of communism on people's preferences. *American Economic Review*, Vol. 97, No. 4, pp. 1507–1528. <https://doi.org/10.1257/aer.97.4.1507>
- Alesina A., Giuliano P. (2014). Family ties. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, Vol. 2, pp. 177–215. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00004-6>
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*, Vol. 53, No. 4, pp. 898–944. <https://doi.org/10.1257/jel.53.4.898>
- Alesina A., Glaeser E. (2004). *Fighting poverty in the US and Europe: A world of difference*. Oxford: Oxford University Press.
- Algan Y., Cahuc P. (2009). Civic virtue and labor market institutions. *American Economic Journal: Macroeconomics*, Vol. 1, No. 1, pp. 111–145. <https://doi.org/10.1257/mac.1.1.111>
- Algan Y., Cahuc P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review*, Vol. 100, No. 5, pp. 2060–2092. <https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2060>
- Algan Y., Cahuc P. (2014). Trust, growth, and well-being: New evidence and policy implications. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, Vol. 2, pp. 49–120. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2>
- Algan Y., Cahuc P., Sangnier M. (2016). Trust and the welfare state: The twin peaks curve. *Economic Journal*, Vol. 126, No. 593, pp. 861–883. <https://doi.org/10.1111/eoj.12278>
- Ajzen I., Fishbein M. (1980). *Understanding attitudes and predicting social behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Bagozzi R. P., Wong N., Abe S., Bergami M. (2000). Cultural and situational contingencies and the theory of reasoned action: Application to fast food restaurant consumption. *Journal of Consumer Psychology*, Vol. 9, No. 2, pp. 97–106. https://doi.org/10.1207/S15327663JCP0902_4
- Becker S. O., Boeckh K., Hainz C., Woessmann L. (2016). The empire is dead, long live the empire! Long-run persistence of trust and corruption in the bureaucracy. *Economic Journal*, Vol. 126, No. 590, pp. 40–74. <https://doi.org/10.1111/eoj.12220>

- Beugelsdijk S., Maseland R. (2010). Culture in economics: History, methodological reflections and contemporary applications. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beugelsdijk S., Maseland R., van Hoorn A. (2015). Are scores on Hofstede's dimensions of national culture stable over time? A Cohort Analysis. *Global Strategy Journal*, Vol. 5, No. 3, pp. 223–240. <https://doi.org/10.1002/gsj.1098>
- Beugelsdijk S., Welzel C. (2018). Dimensions and dynamics of national culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 49, No. 10, pp. 1469–1505. <https://doi.org/10.1177/0022022118798505>
- Bigoni M., Bortolotti S., Casari M., Gambetta D., Pancotto F. (2016). Amoral familism, social capital, or trust? The behavioural foundations of the Italian North–South divide. *Economic Journal*, Vol. 126, No. 594, pp. 1318–1341. <https://doi.org/10.1111/eoj.12292>
- Bisin A., Verdier T. (2001). The economics of cultural transmission and the dynamics of preferences. *Journal of Economic Theory*, Vol. 97, No. 2, pp. 298–319. <https://doi.org/10.1006/jeth.2000.2678>
- Boer D., Fischer R. (2013). How and when do personal values guide our attitudes and sociality? Explaining cross-cultural variability in attitude–value linkages. *Psychological Bulletin*, Vol. 139, No. 5, pp. 1113. <https://doi.org/10.1037/a0031347>
- Bukowski A., Rudnicki S. (2018). Not only individualism: The effects of long-term orientation and other cultural variables on national innovation success. *Cross-Cultural Research*, Vol. 53, No. 2, pp. 119–162. <https://doi.org/10.1177/1069397118785546>
- Cox P. L., Khan R. H. (2017). Country culture and national innovation. *Archives of Business Research*, Vol. 5, No. 2, pp. 85–101. <https://doi.org/10.14738/abr.52.2768>
- Durante R. (2009). Risk, cooperation and the economic origins of social trust: an empirical investigation. Available at SSRN: <http://doi.org/10.2139/ssrn.1576774>
- Fernández R. (2011). Does culture matter? In: J. Benhabib, A. Bisin, M. O. Jackson (eds.). *Handbook of social economics*, Vol. 1, pp. 481–510. Amsterdam: Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53187-2.00011-5>
- Fischer R., Poortinga Y. H. (2018). Addressing methodological challenges in culture-comparative research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 49, No. 5, pp. 691–712. <https://doi.org/10.1177/0022022117738086>
- Giavazzi F., Petkov I., Schiantarelli F. (2014). Culture: Persistence and evolution. *NBER Working Paper*, No. 20174. <https://doi.org/10.3386/w20174>
- Giuliano P., Nunn N. (2018). Ancestral characteristics of modern populations. *Economic History of Developing Regions*, Vol. 33, No. 1, pp. 1–17. <https://doi.org/10.1080/20780389.2018.1435267>
- Gorodnichenko Y., Roland G. (2015). Culture, institutions and democratization. *NBER Working Paper*, No. 21117. <https://doi.org/10.3386/w21117>
- Giuliano P., Spilimbergo A. (2014). Growing up in a recession. *Review of Economic Studies*, Vol. 81, No. 2, pp. 787–817. <https://doi.org/10.1093/restud/rdt040>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006). Does culture affect economic outcomes? *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 20, No. 2, pp. 23–48. <https://doi.org/10.1257/jep.20.2.23>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2016). Long-term persistence. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 14, No. 6, pp. 1401–1436. <https://doi.org/10.1111/jeea.12177>
- Harrison L. E., Huntington S. P. (2000). *Culture matters: How values shape human progress*. New York: Basic Books.
- Hofstede G. (1984). *Culture's consequences: International differences in work-related values*, Vol. 5. Sage Publications.
- Hofstede G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors and organisations across nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Hofstede G., Garibaldi de Hilal A. V., Malvezzi S., Tanure B., Vinken H. (2010). Comparing regional cultures within a country: Lessons from Brazil. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 41, No. 3, pp. 336–352. <https://doi.org/10.1177/0022022109359696>

- House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. (eds.) (2004). *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Inglehart R. (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Inglehart R. (1997). *Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton, NJ: Princeton university press.
- John O. P., Naumann L. P., Soto C. J. (2008). Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues. In: O. P. John, R. W. Robins, L. A. Pervin (eds.). *Handbook of personality: Theory and research*. 3rd ed. New York: Guilford, pp. 114–158.
- Knack S., Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 112, No. 4, pp. 1251–1288. <https://doi.org/10.1162/003355300555475>
- Knies K. G. A. (1883). *Die politische Ökonomie vom geschichtlichen Standpunkte*. Braunschweig, C.A.: Schwetschke und Sohn.
- Kwok C. C. Y., Tadesse S. (2006). National culture and financial systems. *Journal of International Business Studies*, Vol. 37, No. 2, pp. 227–247. <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400188>
- Menyashev R., Polishchuk L. (2011). *Does social capital have economic payoff in Russia*. Moscow: HSE Publ.
- Miguel E., Saiegh S. M., Satyanath S. (2008). National cultures and soccer violence. *NBER Working Paper*, No. 13968. <https://doi.org/10.3386/w13968>
- Mill J. S. (1848). *Principles of political economy*. London: John W. Parker.
- Minkov M. (2018). A revision of Hofstede's model of national culture: Old evidence and new data from 56 countries. *Cross Cultural and Strategic Management*, Vol. 25, No. 2, pp. 231–256. <https://doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033>
- Minkov M., Hofstede G. (2012). Is national culture a meaningful concept? Cultural values delineate homogeneous national clusters of in-country regions. *Cross-Cultural Research*, Vol. 46, No. 2, pp. 133–159. <https://doi.org/10.1177/1069397111427262>
- Nunn N., Qian N., Wen J. (2018). Distrust and political turnover. *NBER Working Paper*, No. 24187. <https://doi.org/10.3386/w24187>
- Nunn N., Wantchekon L. (2011). The slave trade and the origins of Mistrust in Africa. *American Economic Review*, Vol. 101, No. 7, pp. 3221–3252. <https://doi.org/10.1257/aer.101.7.3221>
- Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. (1994). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Putnam R. D. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, Vol. 6, No. 1, pp. 65–78. <https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002>
- Roccas S., Sagiv L., Schwartz S. H., Knafo A. (2002). The big five personality factors and personal values. *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 28, No. 6, pp. 789–801. <https://doi.org/10.1177/0146167202289008>
- Rokeach M. (1968). *Beliefs, attitudes and values: A theory of organization and change*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Schwartz S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In: M. P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*, Vol. 25, pp. 1–65. Elsevier. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
- Schwartz S. H. (2014). National culture as value orientations: Consequences of value differences and cultural distance. In: V. A. Ginsburgh, D. Throsby (eds.). *Handbook of the economics of art and culture*, Vol. 2, pp. 547–586. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53776-8.00020-9>
- Schwartz S. H., Caprara G. V., Vecchione M. (2010). Basic personal values, core political values, and voting: A longitudinal analysis. *Political Psychology*, Vol. 31, No. 3, pp. 421–452. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x>

- Smith A. (1997 [1766]). Lecture on the influence of commerce on manners, reprinted. In: D. B. Klein (ed.). *Reputation: Studies in the voluntary elicitation of good conduct*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Suddle K., Beugelsdijk S., Wennekers S. (2010). Entrepreneurial culture and its effect on the rate of nascent entrepreneurship. In: A. Freytag, R. Thurik (eds.). *Entrepreneurship and culture*. Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 227–244. https://doi.org/10.1007/978-3-540-87910-7_11
- Tabellini G. (2010). Culture and institutions: Economic development in the regions of Europe. *Journal of European Economics Association*, Vol. 8, No. 4, 677–716. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2010.tb00537.x>
- Taras V., Steel P., Kirkman B. L. (2012). Improving national cultural indices using a longitudinal meta-analysis of Hofstede's dimensions. *Journal of World Business*, Vol. 47, No. 3, pp. 329–341. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2011.05.001>
- Venaik S., Brewer P. (2016). National culture dimensions: The perpetuation of cultural ignorance. *Management Learning*, Vol. 47, No. 5, pp. 563–589. <https://doi.org/10.1177/1350507616629356>
- Voigtlaender N., Voth H. J. (2012). Persecution perpetuated: The medieval origins of anti-semitic violence in nazi Germany. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 127, No. 3, pp. 1339–1392. <https://doi.org/10.1093/qje/qjs019>
- Williamson O. E. (2000). The new institutional economics: Taking stock, looking ahead. *Journal of Economic Literature*, Vol. 38, No. 3, pp. 595–613. <https://doi.org/10.1257/jel.38.3.595>
- Xue M. M., Michalopoulos S. (2019). Folklore. *NBER Working Paper*, No. 25430. <https://doi.org/10.3386/w25430>
-

Sociocultural factors in economics: Milestones and perspectives

Alexander A. Auzan^{1,2,*}, Asii I. Bakhtigaraeva^{1,2},
Viktor A. Bryzgalin^{1,2}, Anton V. Zolotov², Elena N. Nikishina^{1,2},
Nadezhda A. Pripuzova^{1,2}, Alexandra A. Stavinskaya^{1,2}

Authors affiliation: ¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);

² Institute for National Projects (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: auzan@inp.ru

The paper analyzes key achievements in sociocultural research of economic development for the last twenty years. Firstly, the paper describes the main approaches in sociocultural studies and key trends in empirical research (including causality issues). Secondly, it poses critical open questions in sociocultural research concerning the relationship between culture and institutions, within-country cultural differences, and culture in dynamics. It demonstrates how the research into culture is connected to the studies of social capital. Finally, the paper formulates the theses of the sociocultural economics research field.

Keywords: culture, social capital, values, Russian regions, Hofstede.

JEL: B410, C18, D910, O430, Z10, Z13.